

Суперобложка первого издания романа «Поминки по Финнегану» Дж. Джойса (Нью Йорк, 1939)

нарративности. Хотя, в отличие от Стайн и Джойса, Каммингс, кажется, просто хотел развлечься и пошутить. Что у него замечательно получалось даже и в более серьезных обстоятельствах...

2. А(д)вантюрные приключения в Стране Советов

В 1920–1930-х гг. Э. Э. Каммингс много путешествует по миру с частыми остановками в Париже, где он в качестве поэта и художника участвует в жизни парижского авангарда. В начале 20-х во французской столице проживают многие из его соотечественников-писателей — Э. Хемингуэй, Ф. С. Фитцджеральд, Э. Паунд, Дж. Барнс, А. Макклиш, Э. Пол, Г. Стайн, Дж. Дос Пассос. Там издаются их книги, там развивается деятельность по изданию журналов «трансатлантического авангарда»⁷. Каммингс вступает в дружеские и творческие отношения с парижской артистической и поэтической богемой. В 1922 году он знакомится с Луи Арагоном — на тот момент одним из лидеров дадаизма и сюрреализма во Франции. У них обнаруживается много общего — и в части левых политических взглядов, и в части настроенности на революцию слова в поэзии.

С. Чехонин. Суперобложка второго русского издания книги Дж. Рида «10 дней, которые потрясли мир» (М., 1924), с предисловием Н. Ленина (sic!) и Н. Крупской. Дж. Рид был очевидцем Октябрьского переворота в России. Выйдя в США в 1919 г., книга за год выдержала 4 издания, а комплиментарный взгляд автора немедленно был использован в советской пропаганде

Арагон вместе со своей русской женой Эльзой Триоле в 1930 году совершает первую поездку в Советский Союз для участия в конференции революционных писателей в Харькове. Об этой поездке зимой и весной следующего года Арагон много беседует со своим американским товарищем, склоняя его к собственной поездке в обитель коммунизма.

Хотя молодой Каммингс всегда больше интересовался искусством и революцией искусства в модернизме, чем политикой, он все больше и больше проникался симпатией к большевизму, о чем немало спорил с отцом, приверженцем более консервативных взглядов. В своих письмах родителям 1918–1920 гг. он с воодушевлением писал о забастовках и протестах в Нью-Йорке и новостях о русской революции.

Если первоначально в Октябрьской революции американские интеллектуалы слышали призыв к альтернативе капиталистическому строю, то к 30-м годам многие уже ищут в большевизме спасение — наступившая Великая депрессия заставляет их поверить в «светлое будущее», маячащее на востоке Европы. Характерна позиция американского историка и писателя Р. Фюлеп-Миллера, автора книги о большевизме 1927 года: «Проблема большевизма выходит далеко за пределы узкого горизонта политических

Л. Арагон и Э. Триоле (слева).
Фотография 1930-х. Анархист,
имморалист и сюрреалист,
авторитетная фигура французской
левой интеллигенции, Арагон в 1927 г.
становится членом Компартии, в
1930-м посещает СССР, издав вскоре
просоветскую поэму «Красный фронт»,
наполненную ненавистью к буржуазной
Франции

симпатий и антипатий. Принимать его или отвергать — значит отвергать или принимать всю европейскую культуру. Претензия большевизма в том, что он может немедленно и незамедлительно осуществить все незапамятные цели человеческих устремлений, все то, к чему стремились мыслители всех времен, что мученики демонстрировали своим примером в жизни и смерти — то есть искупление и человеческое счастье. Его учения предлагают не смутную надежду утешения в другом и лучшем мире будущего, а заповедь непосредственной и конкретной реализации этого лучшего мира здесь и сейчас⁸. Большевизм, согласно этому мнению, ознаменовал собой радикальный перелом во всей человеческой жизни со всеми ее основополагающими ценностями и интересами. Несмотря на последовательно и объективно критические выводы, к которым приходит американский историк, сам воочию наблюдавший происходящие в России события, общий пафос подобных трудов конца 20-х годов был направлен на осознание масштаба коммунистического эксперимента и его значения для человечества.

Надежды на коммунистическое обновление мира питали многие американские писатели-социалисты — современники Каммингса. Одним из первых воодушевлен-

И. Эренбург с камерой Leica II с угловым визиром.
Фотография работы Эль Лисицкого, сделана для книги «Мой Париж». 1932

ных откликов на события Октября был отзыв Линкольна Стеффенса, который, посетив Россию в 1919 году, по возвращении с энтузиазмом писал: «Я видел будущее, и оно работает». За ним последовали другие писатели, заразившиеся желанием вочую увидеть страну «работающего будущего» — Э. Синклер, Дж. Рид; а Т. Драйзер пишет целую книгу о своих впечатлениях от новой России: «Драйзер смотрит на Россию» (1928). Настроения путешественников из США были самые оптимистические. Как отмечает А. М. Зверев, «никогда прежде тяготение к социализму не было таким сильным, а мечты о революции — такими настойчивыми. Советская Россия год от года приковывала внимание все более властно. Свет исходил оттуда, и пробуждалась надежда»⁹. Друг Каммингса Дос Пассос описал в своих «Русских дневниках» советскую революцию как исход из порочного круга капитализма с его культом богатства и личной собственности. После таких восторгов Каммингсу не пришлось долго думать, куда отправиться в путешествие за пределы увядающего Запада.

Итак, после увещаний своих парижских друзей, заинтригованный рассказами о «советской мечте» четы Арагона–Триоле, Ильи Эренбурга, а также живших в Париже

М. Лунев.
Транссибирский Экспресс.
Интурист. Москва. Отель
Метрополь. Рекламный плакат.
1930

Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой, Каммингс в одиночку садится на поезд Париж–Москва 10 мая 1931 года. Перед поездкой парижские газеты сообщали, что «писатель и художник Каммингс» учит русский язык и ожидает визы в Советскую Россию. С собой в поезд он берет печатную машинку и подарки для Лили Брик от ее сестры Эльзы — журналы, галстуки и духи. В его чемодане также лежит рукопись новой поэмы Луи Арагона «Красный фронт», которую Каммингс обязался перевести на английский. Скандал с публикацией этого агитационного опуса еще впереди, а пока — «поезд летит в чудесное завтра» и американский пилигрим мчится на «красном экспрессе» к станции СССР.

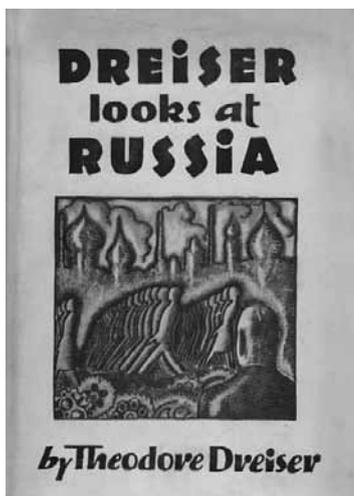
Вооружившись записной книжкой и печатной машинкой, Каммингс начинает вести дневник, тщательно фиксируя свои передвижения и впечатления от въезда в «советскую Мекку». Миновав Германию и Польшу, 11 мая его поезд пересекает границу России на станции Негорелое. Пересечение границы многими приезжающими сюда интеллектуалами из-за рубежа переживалось как сильная эмоция. По замечанию М. Рыклина, «она была оформлена не просто как въезд в еще одну европейскую страну, а как ворота в новый мир»¹⁰. Впрочем, уже после ее пересечения многие начинали испытывать и прямо противополож-

Н. Жуков, В. Климашин.
 USSR. Рекламный плакат
 американского бюро «Интуриста»
 с приглашением в СССР. 1935.
 Текст на открытке утверждает:
 «Это более чем приятное
 приключение — вояж в Новый мир!»

ные чувства: так, проверка паспортов вызывала нервную оторопь и смятение. По замечанию одного путешественника из Германии, писателя Отто Фридлиндера, «что одному казалось раем, представлялось адом другому»¹¹. Кажется, такие же чувства охватили и нашего пилигрима: Каммингса уже на границе ждет обыск. Он понимает, что попал в какой-то иной мир, с первых же мгновений обманывающий его ожидания. Будучи отправленным в коммунистический рай, он оказывается в чем-то, больше напоминающем ад. Его путевые заметки начинают пестрить языком бестиария и inferнальными образами. Однако, до поры до времени это только подогревает интерес и любопытство обманутого паломника.

На следующий день, 12 мая, Каммингс прибывает в Москву. На Белорусском вокзале, по договоренности с Эренбурггом, его должен встретить советский драматург Владимир Лидин. Однако они не узнают друг друга на платформе, и американскому визитеру приходится обратиться в бюро Интуриста, которое направляет его в гостиницу «Метрополь». Парадоксальный факт — приехав в страну победившего пролетариата, он оказывается в роскошном дорогом отеле¹². Впрочем, ему повезло: там же живет его будущий проводник по Москве — американский профес-

Обложка первого издания книги «Драйзер смотрит на Россию» (Нью-Йорк, 1928). Художник изобразил не только фабричные трубы и луковицы церквей, но и шагающих строем пролетариев, перемалываемых железными шестернями

сор Генри Дана, собирающий материалы по советскому театру. Дана берет его под опеку и начинает знакомить с Москвой — устраивает визиты в пролетарские театры, на писательские банкеты, осмотр достопримечательностей советской столицы. За одним из ужинов у них завязывается дискуссия о роли личности в советском строе. Каммингс, радетель индивидуализма и свободы самовыражения, наталкивается на пропагандистскую тираду своего приятеля, восхваляющую успехи социалистического труда. «Да будет Есть!» — восклицает Каммингс в ответ, намекая на свою философию поэзии, в которой единственно возможными формами глагола «быть» являются личные формы единственного числа настоящего времени в первом и третьем лице (*am* и *is*)¹³. Здесь же, на пролетарских подмостках, ему видится как раз всякое отрицание личного, единственного, настоящего — во имя всего коллективного, массового, бывшего. В полемике с Даной Каммингс поднимает голос против «этого безрадостного эксперимента с насилием и страхом». Его голос слишком громкий, и тут как тут рядом с ним появляется фигура — он становится объектом слежки со стороны ГПУ. Дальнейшее его пребывание в Москве ставится под наблюдение, и записные книжки приходится вести в зашифрованном виде.

А. Фролов. See USSR.
Рекламный плакат американского
бюро «Интуриста». 1930

Каммингс приезжает в Москву в переломный момент ее культурной политики. Буквально накануне его визита, в начале мая 1934-го, руководство РАПП принимает резолюцию, призывающую всех пролетарских писателей «заняться художественным показом героев пятилетки». Отныне единственно возможной литературой в СССР становится пролетарская. Неудивительно, что в такой ситуации общение американского писателя, хоть и приехавшего с туристическими целями, не могло выходить за пределы пролетарских кругов (кругов ада в воображении Каммингса). Сочувствующие коммунизму его московские проводники-американцы стремятся показать заехавшему соотечественнику, как делается настоящая «социалистическая литература». Ему постоянно обещают встречу с М. Горьким, но тот так и оказывается для Каммингса призраком-«невидимкой». Его приводят в любимый им цирк, но вместо циркового представления показывают костюмированный агитпроп. Вместо русского балета и полюбившегося ему в Париже Стравинского в Большом театре демонстрируют патриотическую оперу. Вместо выставки современного искусства он осматривает «примерную» советскую тюрьму. Вместо Собора Василия Блаженного он попадает в Музей Революции с единственной иконой, про-

Зал Матисса
в Государственном музее
нового западного искусства.
Фотография 1930-х

ход к которой закрыт, как оказывается закрытым и запертым все, что оказывается на его пути.

Каммингсу много рассказывали в Париже и о раннем русском авангарде в искусстве, и о новом подъеме производственного искусства в последние годы. Но и здесь его ждет опустошающее разочарование — единственное, что он видит из знакомого ему мира искусства — вывешенные в Музее нового западного искусства как символ ушедшей культуры полотна Сезанна, Матисса, Ван Гога и Пикассо, да пару скульптур его парижских знакомых-кубистов. Вместо русского авангарда ему предъявляют пирамиду Мавзолея Ленина как наивысшее достижение советского духа. Могила предстает перед глазами шокированного пилигрима как культ советского человека, а мертвое божество — как кумир советского «немира». Инфернальная мифология продолжает потрясать воображение американского странника, регистрирующего на страницах своего дневника ужасающую картину обетованной земли коммунизма.

Но его ожидали две-три важные и в целом приятные встречи в Москве. Одна из них — с Лилей Брик, сестра которой Эльза Триоле передала через Каммингса парижские подарки. Придя в гости в квартиру Бриков, он был очарован гостеприимством и обаянием спутницы умер-

О. Брик, Л. Брик и В. Маяковский.
Фотография 1928 г.

шего год назад Маяковского. Она смеялась «не как все марксисты», которых он успел повстречать. Она, как и он, была влюблена в Париж, увлекалась красивыми вещами; интересовалась, можно ли прочесть его книги; уговаривала его написать о России в газету и предлагала свою помощь в Москве. Но и здесь заезжего американца ждал конфуз. Появившийся Осип Брик, в прошлом муж Лили, решил провести гостю лекцию о великих целях большевиков и пользе коллективизации. Гость с трудом отделался от этой индоктринации и под предлогом опоздания на другую встречу откланялся.

Еще один визит отчетливо отложился в памяти Каммингса — его приняли у себя дома Всеволод Мейерхольд и его жена Зинаида Райх. Во время пребывания в Москве ему удалось увидеть две постановки в его театре — «Рычи, Китай!» Сергея Третьякова 1926 года и «Последний решительный» 1931-го по пьесе Всеволода Вишневского. Никаких эмоций, кроме смеха над пролетарским примитивизмом пропагандистской драмы, они вызвать у американского поэта не могли. Впрочем, его приятно удивила конструкция самого театра, что возбудило интерес к фигуре режиссера. К тому же у них был общий друг — парижский скульптор Осип Цадкин, рекомендовавший Кам-

Вс. Мейерхольд
и З. Райх.
Фотография 1930-х

мингсу навестить прославленного постановщика. В гостях у Мейерхольда состоялся небольшой разговор о театре. Мейерхольд по секрету пожаловался своему американскому визави, что диктат в театре, установленный пролеткультом, никуда не годится. Каммингс лишь боязливо поддакивал, опасаясь еще одного сеанса социалистического внушения. И выразил свои сожаления уже в дневнике, по возвращении домой. Ему явно показалось, что Мейерхольд не такой, как все. То же самое показалось и советской верхушке — спустя 7 лет театр Мейерхольда был закрыт, а еще через 2 года режиссер был расстрелян.

Задержись он в Москве подольше, Каммингсу, возможно, были бы уготованы еще несколько интересных встреч. Например, с Борисом Пастернаком, который в тот момент отлучился из Москвы по производственному заданию. Или с Валентином Стеничем — поэтом и переводчиком, о котором ему рассказывал Дос Пассос. Стенич в ту пору был занят переводом джойсовского «Улисса», имея за плечами переводы из Дж. Дос Пассоса, Ш. Андерсона и других американских модернистов. Кроме того, есть сведения, что он пробовал переводить и стихи Каммингса, о чем последнему было известно. Но встреча состоялась только с женой Стенича — Л. Файнберг. К сожалению, нам

А. Родченко.
Обложка книги В. Маяковского
«Мое открытие Америки»
(М., 1926)

неизвестно, сохранились ли эти стихотворные переводы. Если бы Каммингс прибыл в Россию годом ранее, он несомненно повстречался бы с тем, кого он назвал в гостях у Бриков «товарищем самоубийцей», — Владимиром Маяковским. Вообще, его поездка может зеркальным образом напоминать об открытии Америки Маяковским, который путешествовал по стране Каммингса шестью годами ранее. Любопытно также сходство в названиях книг — «Я ЕСМЬ» у американского поэта и «Я» у русского¹⁴. Характерно, что для обоих поэтов важным мотивом поездки является желание открыть для себя иную политическую систему и иную культурную цивилизацию¹⁵.

У Каммингса между тем в России остается должок перед французским другом Маяковского — Арагоном; в суматохе московских мытарств ему нужно закончить перевод «Красного фронта». Но Каммингс уже не тот, что отправлялся из Парижа на «поезде красных созвездий» на «мчащихся колесах в блеске рельс» (строки из поэмы Арагона). Удрученный увиденным и пережитым в советской «нестране», он нехотя берется за перевод этого «гимна ненависти» и спешно отсылает результат в Революционное литературное бюро для публикации. Однако вскоре сам Арагон попадает под огонь критики за поэму, в которой слышны при-

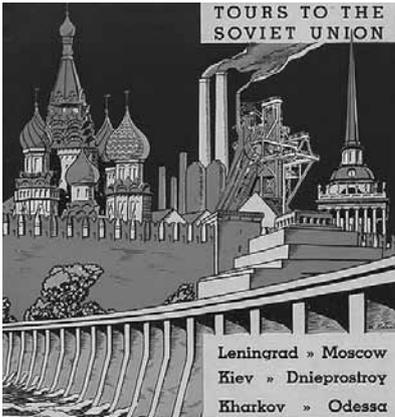

С. Г. (С. Герштейн?).
Обложка поэмы Л. Арагона
«Красный фронт» (М., 1931)
в переводе С. Кирсанова.
В самой Франции поэма
была напечатана чуть позднее
(в ноябре 1931); призыв
взорвать Триумфальную арку
и расстреливать полицейских
обернулся уголовным
преследованием автора

звы к насилию во имя коммунистической революции. Дело доходит до судебных преследований и обвинений в подстрекательстве к вооруженному мятежу. Поэма оказывается прогребенной в истории и более не издается. Даже в Советской России, где она вышла впервые в 1931 году в переводе С. Кирсанова отдельной книжкой, ее сочли чрезмерно воинственной и более никогда не печатали.

Тем временем переводчик «Красного фронта» на английский язык уже искал всевозможные пути побега из «красного ада». Не пробыв в Москве и месяца, он спешно оформляет выездную визу и возвращается в Париж поездом через Киев, Одессу и Стамбул. Выезд за границы Советской России осознается им как возвращение в Мир. Он покидает Страну Советов как «разочарованный странник», а свои представления о социализме выражает в дневнике, который будет затем преобразован в книгу:

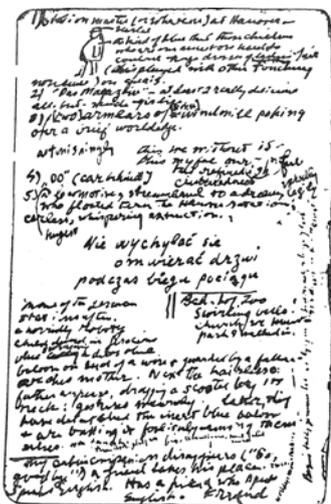
я чувствую, что все, что было до сих пор сказано и стено в песне или рассказе о революции в России, равно вздору. Чувствую, что Россия не была давным-давно (и в какие времена!) каким-то количеством рабопленных крестьян под управлением самовластной куклы — Россия была каким-то

Обложка туристической брошюры «Интуриста». 1932. Рекламуемый тур по Стране Советов включал посещение Ленинграда, Москвы, Киева, Днепроostroя, Харькова, Одессы. Каммингс, помимо Москвы, посетил Киев и Одессу

количеством царей, столь совершенно столь присуще и столь естественно царских, что (с одним незначительным исключением — «Царем») они действительно прикрывались маской смиреннейших рабов, чтобы свет их царственности не осветил глупый мир. Но глупый мир более глуп, чем может предполагать царственность. И то, что было неверно названо Русской революцией, — это ведь еще более глупая, чем принято считать, мировая пытка над естественным, над присущим, над совершенным и над царством; пытка, вызванная низостью и завистью и ненавистью, и желанием раба заменить царственное инкогнито смиренности плебейским показным равенством...¹⁶

Разубедившись в ценностях капитализма и теперь — еще более — в социалистической альтернативе, Каммингс все более убеждается в единственно возможной для него идеологии — идеологии поэта самого для себя. Как-то ему заметили: вот, посмотрите, капиталисты — собственники, а русские никогда не были собственниками. На что он ответил: а художник никогда не бывает собственником.

Рукописная страница
из «Русского дневника»
Э. Э. Каммингса. Запись
в воскресенье, 10 мая 1931 г.

3. «ЭЙМИ, или Я ЕСМЬ»: путевые заметки — травелог — роман

О поспешном возвращении Каммингса из России писали парижские газеты: «Каммингс поехал в Страну Советов около месяца назад, с намерением остаться там много недель, месяцев или даже лет. Почему же он так скоро вернулся? Неужели ему не хватило вдохновения, которое он ожидал от поездки?»¹⁷ Многие искренне верили, что если оттуда и возвращаются, то только с возвышенными чувствами. Но вот, кажется, кто-то привез ровно противоположные впечатления. На Каммингса стали смотреть с подозрением. То, что он увидел в СССР, никак не увязывалось с образом «советской Мекки», распространенным среди интеллектуалов западного мира.

Путевые заметки Каммингса занимают 90 страниц. По возвращении в Америку, основываясь на этом опыте в России, он решает писать книгу, чтобы дать вторую жизнь своим впечатлениям от путешествия в «ад». Но он не уверен, будет ли эта книга опубликована, особенно ввиду непрочной экономической ситуации издателей во время финансового кризиса в стране. Весной 1932 года издатель Паскаль Ковичи, который до этого издал его «Книгу без на-